

Ирина Андрианова

Эксперимент "Изоляция"

16+

Ирина Андрианова

Эксперимент «Изоляция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55106588

SelfPub; 2020

Аннотация

Карантин невольно сделал жителей больших городов участниками любопытного социального эксперимента. И, хотя результаты этого эксперимента были предсказуемы, почувствовать их на собственной, извиняюсь, шкуре – это совсем не то, что в теории.

Честно скажу, я в большей степени смотрю на этот эксперимент со стороны: я живу и работаю в заповеднике, в глубокой провинции, в окружении леса. Слово «изоляция» сюда не дошло, омерзительных масок не носит никто, и даже сельскую школу, слава богу, удалось сохранить в очном режиме, благо что в ней меньше 12 человек. В отличие от знакомых из больших городов, которые оказались заперты в бетонных коробках, мы с коллегами регулярно совершаем вылазки в лес, а детей наших и вовсе не затащить в дом, чтобы заставить сделать уроки. Впрочем, нам крупно повезло.

При этом мне, возможно, со стороны проще систематизировать ощущения «испытуемых», которые сидят прямо под колпаком у экспериментатора. Каковы же они, эти ощущения?

В первую очередь обращает на себя внимание общее снижение энергетического тонуса общества. Вопреки оптимистичным предположениям, что-де схлопывание офф-лайна сделает жизнь он-лайн насыщенной и богаче, этого не происходит. Оказывается (к счастью), мы с вами – все-таки хомо реальный, а не виртуальный, и это, забегая вперед – один из важных результатов эксперимента.

Многие из нас мечтали работать, не выходя из дома. Но на деле оказалось, что наслаждение от такой изоляции может восприниматься лишь по контрасту с не-изолированностью других. То есть для успеха «удаленки» нужно, чтобы большинство остальных продолжали жить и работать офф-лайн.

Это аналогично тому, что удовольствие от теплого помещения воспринимается как чувство защищенности от холода вокруг. И дело не только в том, что в экономике все взаимосвязано, и при сворачивании офф-лайнного сектора спрос на «удаленку» тоже сворачивается. Дело еще и в количестве человеческой энергии, разлитой вокруг и так или иначе воспринимаемой всеми.

Оказывается, ее количество напрямую зависит от интенсивности реальной жизни. Есть движение – есть энергия. Запертые в своих коробочках тельца, сидящие за компьютерами, ее произвести не могут. Они могут ее лишь потреблять. Это – хороший ответ фильму «Матрица» и тому подобным антиутопическим концепциям, утверждавшим, что лишить человека реальности – это пара пустяков, он ничего и не заметит. К счастью, оказалось, что это совсем не так.

Испытуемые (даже те, кто не потерял работу и пытается что-то делать удаленно) наперебой жалуются, что ощущают пустоту, тоску и энергетический спад. Ни просмотр кино, ни общение в интернете эту пустоту не компенсирует. Многие откровенно ощущают себя лишними.

В этом месте могли бы радостно завопить критики консюмеризма: мол, смотрите, вот вам и доказательство, что половина нашей раздувшейся экономики вовсе не нужна, раз люди могут спокойно прожить на минимальном уровне потребления (еда+лекарства). Не нужны магазины одежды, не нужна сфера услуг, не нужны развлечения и всевозмож-

ные избыточные товары, которыми были нашпигованы закрытые ныне торговые центры. Но это лишнее потребление составляло львиную долю экзистенции множества людей, давая им смысл жизни. Утрата возможности потратить свое время на совершение ненужных покупок и развлечений всерьез ставит вопрос о том, а зачем тогда этим людям жить? Высоких целей на всех не хватит, тем более что государство и из дома-то тебя не выпускает. Довольно многим в таких условиях остается лишь есть, испражняться и сидеть перед телевизором/компьютером. То есть вести растительную жизнь пенсионера.

В фильме «Матрица» смысл подобного существования был хотя бы в том, чтобы отдавать свою мыслительную энергию на создание некой виртуальной реальности. Но наши технологии до такого еще не дошли. Поэтому, думаю, эпидемии психологических кризисов нам не избежать. В довесок к экономическому.

Я действительно не знаю, зачем власти приняли спорное решение о карантине, выбрав полное схлопывание экономики в качестве спасения от небольшого (в масштабах страны) увеличения смертности. Но кое-чего они при принятии этого решения точно не учли. А именно – что даже самым невзыскательным диванным обывателям пособия на еду и телевизора будет мало. Им, оказывается, тоже нужен смысл жизни!

Возможно, им было бы достаточно уверенности в том,

что, пока ты сидишь перед телевизором/компьютером, вся страна ходит на работу и живет нормальной жизнью. Ведь теле- и интернет-затворники кормятся энергией реала. А вот мысль о том, что миллионы людей, как и ты, обратились в коконы бабочек и не выходят из своих квартир, повергает в уныние на уровне популяции. Для людей такая жизнь биологически неестественна (да и банально вредна для здоровья).

Для ощущения счастья людям нужна свобода передвижения. Даже не передвижения, а выбора – передвигаться или нет. Пусть даже свободный человек выберет безвылазное сидение за компьютером. Но – сам. Свобода уходит на второй план лишь в случае настоящего, острого страха за свою жизнь (война, химическое заражение, эпидемия чумы в стиле средневековья и т.д.). Но как бы не силились масс-медиа и социальные сети в части нагнетания ужаса, ощущение, что он избыточен, не проходит. Вопрос, не является ли увеличение заболеваемости/смертности лишь превратностями статистики, по-прежнему не закрыт.

Еще пара наблюдений за испытуемыми. В отличие от той же эпохи средневековья, наша нынешняя жизнь не отточена под затворничество. Средневековых крестьян изоляцией было не удивить. Их жизнь и так редко выходила за пределы круга поле – церковь – лавка – дом. Но под этот режим существовали специальные социальные институты. Например, брачный сговор. Так как люди мало общались и найти себе пару для брака было сложно, то подбором партнеров за-

нимались родители или старшие родственники. Наличие/отсутствие взаимной любви при этом учитывалось далеко не всегда.

В отличие от средневекового крестьянства, в среде современных городских менеджеров создание семьи не является необходимым условием выживания. Во всяком случае, без любви, или хотя бы ее подобия, сегодня в брак вступают редко. Поэтому те, кого бог не одарил счастьем взаимного чувства, до последнего времени могли позволить себе прозябать в одиночестве. Отсутствие близких при этом компенсировалось иными социальными связями. Однако внезапная изоляция показала, что, оказывается, семью надо было заводить любой ценой, не особенно разбирая, любишь ты ее/его или нет. Одиноким при карантине тяжело вдвойне. А сейчас, когда контакты между людьми свелись к минимуму, познакомиться/сойтись и думать нечего. И пресловутая виртуализация мира, которой пугали и на которую надеялись, опять-таки не помогает. Далеко не у всех получается влюбиться через интернет.

Если государство запирает людей в домах, запрещает работать и лишает свободы передвижения, то к средневековому формату должны свестись и личные отношения. Но так как заранее такого сценария прогнозировать было невозможно, люди растерянно озираются по сторонам и недоумевают, отчего же им так плохо. Ведь в телевизоре им сообщают о прелестях удаленной работы! А также о тихих радостях

общения с близкими. Вот только одна незадача – где же эти близкие?

В итоге, по моим наблюдениям, принявший решение о карантине президент за истекший месяц потерял гораздо больше своих сторонников, чем если бы его не вводил. Причем недовольство пришло совсем не оттуда, откуда его ждали. Ладно бы, если бы народ жаловался только на невозможность вылечить зубы и подстричься. Однако проблему потери смысла жизни, которая отмечается у многих участников эксперимента вне зависимости от их культурного уровня, одним пособием по безработице не решить.